

УДК 159.9

Иванов М.В.

*Петербургский государственный университет путей сообщения Императора
Александра I, Санкт-Петербург, Россия*

Ю.М. Лотман и проблемы психологии

Yu.M. Lotman and Problems of Psychology

Аннотация

Статья посвящена анализу семиотической и культурологической концепции Ю.М. Лотмана в ее связи с психологической наукой. Универсальность и масштабность общенаучных установок Лотмана предполагала использование исследованиями Тартуско-Московской школы структурализма опыта психологов, но в условиях 1960-1980-х годов существовали объективные трудности для плодотворной совместной работы. Во многих отношениях исследования проходили параллельно, когда возникали потенции согласования результатов структуралистского и психологического анализа. Особенно значима выработка методологических установок в области гуманитарного знания. Влияние идей Лотмана на гуманитарные науки и психологию было плодотворным и не теряет своей актуальности в настоящее время.

Ключевые слова: семиотика, структурализм, культурология, информативность, диалог, текст, многоканальность коммуникации, свобода выбора

Abstract

The article analyses the semiotic and culturological conception of Lotman Y. M. in its connection with psychological science. The universality and the great scale of Lotman's general scientific attitudes suggested the use of the experience of psychologists by the research of the Tartu-Moscow School of Structuralism, but in the conditions of the 1960s and 1980s there were objective difficulties for fruitful collaboration. In many ways, the research took place in parallel, when there were potencies for reconciling the results of structuralist and psychological analysis. The development of methodological guidelines in the field of humanitarian knowledge is especially significant. The influence of Lotman's ideas on the humanities and psychology has been seminal and does not lose its relevance at the present time.

Keywords: semiotics, structuralism, cultural studies, informativeness, dialogue, text, multi-channel communication, freedom of choice

Введение

В 2022 году мы отмечали 100 лет со дня рождения выдающегося ученого-гуманитария Юрия Михайловича Лотмана. В 2023 году прошло 30 лет со дня его смерти. Обе даты располагают к серьезному размышлению о научном и культурном наследии этого замечательного мыслителя, прекрасно осознававшего метаморфозы «бега времени». Для меня Юрий Михайлович остается живым лицом, с которым я имел счастье общаться, и

автором идей и стратегий мысли – тем, у кого я учился, и к чьим трудам я обращаюсь до сих пор, вступая с ним (увы!) только во внутренний диалог. Для написания данной статьи, а точнее – текста-размышления, у меня есть и особые личные причины, тем более, что о Лотмане-психологе научных материалов очень немного. А ведь он был мыслителем универсального типа.

Я родился на 25 лет позднее Юрия Михайловича и, тем самым, принадлежу к следующему поколению, поколению учеников, которые могут общаться не только с живыми учителями, но еще и с учителями их учителей. Когда я в 1965 году поступил на филологический факультет ЛГУ, где раньше получал знания Лотман, то слушал лекции тех же профессоров, что и он: В.Я. Проппа, П.Н. Беркова, Г.П. Макогоненко, Г.А. Бялого, Д.Е. Максимова, наставлявших и Юрия Михайловича. Мало того, в школе меня обучала литературе Ирина Михайловна Дубницкая – бывшая студентка той же группы русистов, где на занятиях рядом с ней сидели «Юра Лотман» и «Зара Минц» – его будущая жена и участница их научных начинаний. И, на мое счастье, занятия у нас вел ближайший друг и единомышленник Лотмана – Борис Федорович Егоров, только что приехавший из Тарту и передавший Юрию Михайловичу заведование кафедрой литературы ТГУ. Так что я сразу смог познакомиться с идеями структурализма. В 1964 году в Тарту вышла эпохальная книга Лотмана «Лекции по структуральной поэтике». Ее тираж (500 экземпляров) был настолько мал, что фактически достать ее даже для прочтения было почти невозможно. Я обратился к своему научному руководителю и Учителю Георгию Пантелеймоновичу Макогоненко с просьбой о помощи, и он дал мне свой экземпляр с сердечной дарственной надписью автора. Труд Лотмана я изучал полгода, читая, перечитывая, выписывая важнейшие идеи, конспектируя, составляя словарь терминов, постигая доступные тексты ученых, на которые ссылается автор... Потом я слышал от Лотмана и встречал в его книгах идею, что наиболее информативны непонятные тексты. Для себя я делал поправку с учетом

мысли Сократа, который так отзывался об одном трактате: то, что я понял, – прекрасно; думаю, непонятое еще прекраснее. Книга Лотмана захватила меня масштабностью мысли и универсальным подходом к гуманитарным проблемам, раздвинула рамки филологии, указала на пограничные области как источники для полноценного научного роста. А непонятого вначале было много. Для филологов старшего поколения многое в книге было не просто невнятно, неясна была сама необходимость разбираться в тонкостях инородных дисциплин. Но ситуация осложнялась еще и тем, что специалисты смежных наук, защищая чистоту своих профессиональных «правил», в попытке Лотмана видели не стремление искать пути взаимопонимания, а поверхностную игру в многоумие и вульгаризацию. И я слышал иронические отзывы от математиков и физиков по поводу структуралистского «филологического пространства», представленного Лотманом в статье о Гоголе. Юрий Михайлович вполне предвидел такой то ли дисциплинарный патриотизм, то ли снобизм – и шел вперед, «укрепляя сердце мужеством». В период работы над своими «Лекциями» он писал Б.Ф. Егорову в 1963 году: «Книжку-то я когда еще напишу. Уже в третий раз дохожу до середины и к этому времени настолько все передумываю, что приходится начинать снова. Сейчас хочу все начать снова и изложить все более строго математически. Вообще трудность в том, что неизвестно, на какого читателя рассчитывать. Для квалифицированного (даже) филолога это не будет понятно из-за крох, упавших со стола математики, которые я подобрал, и генерального незнакомства литературоведов с методами структурной лингвистики. Математики же увидят в ней лишь лепет на математические темы и не поймут, по незнанию литературного материала, как много этим объясняется. Так-то!» (Егоров, 1999, с. 115). Но читатели нашлись! И не только в Тарту и в Москве. Впоследствии, обучаясь в аспирантуре Пушкинского Дома, я в глазах начальства носил то ли пятно, то ли клеймо структуралиста. В заключительном слове на защите моей

кандидатской диссертации председатель заседания изрек: «Автор этого научного труда – структуралист, хуже того – лотманист». Еще бы один черный шар при голосовании – и не видать мне кандидатского диплома. Естественно, работу пришлось искать не в академическом институте литературы.

В своей статье 1967 года «Литературоведение должно быть наукой» Ю.М. Лотман утверждал: «Литературовед нового типа – это исследователь, которому необходимо соединить широкое владение самостоятельно добытым эмпирическим материалом с навыками дедуктивного мышления, вырабатываемого точными науками. Он должен быть лингвистом <...>, владеть навыками работы с другими моделирующими системами, *быть в курсе психологической науки* и постоянно оттачивать свой научный метод, размышляя над общими проблемами семиотики и кибернетики. *Он должен приучать себя к сотрудничеству с математиками, а в идеале – совместить в себе литературоведа, лингвиста и математика.* Он должен воспитывать в себе типологическое мышление» (Лотман Ю., 1997, с. 773) (курсив мой – М.И.).

Так как моя диссертация пересекалась с идеями культурной типологии, связанной с социальной психологией, психологией личности, социологией, я стал работать на кафедре психологии – науки, упомянутой в цитированном списке смежных с литературоведением, оставаясь при этом историком литературы. Психология же стала моей второй профессией. На ее проблемы я смотрел во многом «под углом» Лотмана. И при этом столкнулся с парадоксом: полноценного союза литературоведения и психологии я в трудах Лотмана и его школы не находил. В трудах Тартуско-Московской школы структурализм сопрягался с лингвистикой, историей, этнографией, фольклористикой, кибернетикой, теорией информации, математикой, причем на труды ученых делались весьма тщательные ссылки. Если приглядеться к приведенной выше цитате, то возникнет ощущение, что психологическим

исследованиям отводится место на периферии («быть в курсе психологической науки»). И в окончательный вывод рядом с лингвистом и математиком психолог не поставлен. Я же думаю, что в изучении человека литературоведение ближе всего стоит к психологии, особенно к психологии личности, психологии искусства, возрастной психологии и исторической психологии. Психология же в семиотических исследованиях чаще всего использовалась на уровне «само собой разумеющихся» анонимных идей, а термины «сознание», «мышление», «память», «менталитет», «интеллект», «личность» употребляются повсеместно.

Культурологическая параллель психологическим концепциям

Приведу пример, как представленная «общекультурным» понятием категория может сравниться с результатом, выработанным серьезной психологической теорией.

Лотман: «Понятие «личности» только в определенных культурных и семиотических условиях отождествляется с границами физической индивидуальности человека. Оно может быть групповым, включать или не включать имущество, быть связанным с определенным социальным, религиозным, нравственным положением. Граница личности есть граница семиотическая» (Лотман Ю., 1996, с. 189). Джемс: «В самом широком смысле личность человека составляет общая сумма всего того, что он может назвать своим: не только его физические или душевные качества, но также его платье, его дом, его жена, дети, предки и друзья, его репутация и труды, его имение» (Психология Уильяма Джемса, 1916, с. 149). Совпадения, хотя и не полные, в приведенных высказываниях налицо. Но у Джемса за приведенным наблюдением стоит теоретическая структура личности. «Эмпирическая личность» имеет три уровня: (1) «Физическая личность», (2) «Социальная личность», (3) «Духовная личность». Все эти три уровня объединены «чувством самости», отождествлением себя с собой в любой

момент бодрствования. К сожалению, семиотическая концепция личности Ю.М. Лотмана почти не связана с существующими психологическими теориями, в которых есть немалая доля очень интересных идей, вполне пригодных для филологии и семиотики. (Так, стала формироваться такая дисциплина, как психобиография). Кратко приведу еще два примера. Ю.М. Лотман: «Наши органы чувств небольшие порции раздражений воспринимают как некое непрерывное движение» (Лотман Ю., 1992b, с. 238). Смену дискретных изображений как восприятие кажущегося движения предметов, «впечатление движения» основатель гештальт-теории М. Вертгеймер назвал *фи-феноменом*, в статье «Экспериментальное исследование движения» 1912 года, открыв путь к плодотворным психологическим исследованиям, опиравшимся на очень близкую Лотману идею, что значение воспринимаемой части определяется ее принадлежностью к целому, к единому образу, к «гештальту». И термин «изоморфизм», который часто употребляет Юрий Михайлович, в теории восприятия предложили гештальтисты. Ю.М. Лотман: «Действие романа или драмы принадлежит к прошедшему времени... Но читатель плачет или смеется, то есть переживает эмоции, которые вне искусства присущи настоящему времени. В равной мере условное эмоционально переключается в реальное» (Лотман Ю., 1992b, с. 235). «Если действие в сфере искусства – всегда как бы действие... оно порождает условное соприсутствие... зритель видит, но не вмешивается, соприсутствует, но не действует» (*курсив автора*) (Лотман Ю., 1992b, с. 245). Идея единственности обычных и эстетических эмоций была выдвинута Львом Семеновичем Выготским в 1925 году в диссертации, текст которой, озаглавленный «Психология искусства», был впервые опубликован в 1968 году, став самым авторитетным трудом по обозначенной теме. Тартуским семиотическим исследователям он мог послужить дополнительным источником психологического объяснения, что именно двойственность и противоречивость эстетического переживания

зрителя (своеобразная семиотическая «двухязыкость») вызывали блокировку двигательной реакции на воспринимаемые события, активизируя «внутреннюю» работу психики (Выготский, 1986).

Универсальность познавательных установок и энциклопедичность знаний Лотмана слишком очевидны, чтобы подозревать его «небрежение» ко многим психологическим изысканиям следствием просто некомпетентности в этой «смежной» области человекознания. Причины, видимо, были более глубокие.

Да, в период научного становления и начала научной зрелости Юрия Михайловича материалов об открытиях в психологии было недостаточно. Но все-таки были – наблюдался почти взрывной рост публикаций. В середине 1950-х годов был снят двадцатилетний «запрет на психологию», и увидели свет труды Выготского (с широким включением цитат «западных авторов» и изложением их концепций – В. Кёлера, К. Коффки, Э. Торндайка, К. Бюлера и десятков других исследователей). В 1966 году М.Г. Ярошевский опубликовал свою «Историю психологии», в 1969 году появился прекрасный перевод на русский язык «Социальной психологии» японо-американского интеракциониста Т. Шибутани, где представлены результаты трудов уже двухсот зарубежных психологов (в подлиннике книга называлась «Личность и общество», что указывает на ее гуманитарную ориентацию). В 1966 году издан первый из шести томов энциклопедии «Экспериментальная психология» П. Фресса и Ж. Пиаже. Кроме того, в Эстонии, где жил и работал Лотман, «в период... 1920-1940-х в библиотеку поступало много изданий русских эмигрантов, в том числе и периодики (вся эта часть была передана в «спецхран», но преподавателям и даже студентам было нетрудно получить разрешение на работу с этими источниками)» (Егоров, 1999, с. 50).

И в филологической литературе не было запрета на использование психологических данных – чаще всего с историко-культурным и личностным

аспектами. Л.Я. Гинзбург в книге «О литературном герое» (Гинзбург, 1979) обращается к идеям Г. Мида, К. Юнга, Д.Н. Узнадзе, А.Н. Леонтьева, У. Джемса. Сестра Юрия Михайловича Лидия Михайловна (доктор филологических наук, крупный специалист по русской литературе XIX века) при анализе типов личности героев литературы 1860-х годов ссылается на типологию личности, предложенную физиологами, занимавшимися обработкой информации в мозгу (выделяются уже психологические логический или эмоциональный акценты): «Некоторые положения своей работы А. Иваницкий и Н. Шубина поясняют литературными примерами. Любопытно, что в качестве примера ...они приводят изображенную в «Войне и мире» реакцию Пьера Безухова на рассказ Наташи о смерти князя Андрея» (Лотман Л., 1974, с. 103).

Философский скептицизм

Сейчас еще много неясного касательно внутренней жизни Юрия Михайловича (при обилии мемуарной литературы о нем!). Но я рискну высказать предположение о причине его нерасположенности к официальной (так сказать, «академической») психологии. Она воспринималась им как «служанка философии» – марксистской, разумеется. В советской культуре через систему образования навык философствования можно было получить только в рамках диамата, истмата и теории научного коммунизма (мне это очень хорошо известно на личном опыте, хотя в юношеские годы Юрия Михайловича, годы борьбы с ревизионизмом и космополитизмом, агрессивность социально-экономического «философского фланга» была намного сильнее). Как вспоминает сын Лотмана Михаил Юрьевич о своем отце, «в частных беседах он не раз настаивал на том, что профессиональная философия в наши дни – анахронизм (при этом он имел в виду западную философию, о советской говорить было вообще бессмысленно). Профессиональный философ – это, по его выражению, едок приправ. Время

спекулятивной философии прошло, приправа должна подаваться к основному блюду» (Лотман М., 1995, с. 220). И, думаю, прежде всего, в философию метил Юрий Михайлович, в 1962 году утверждая в печати (!), что «история науки знает много случаев, когда научные идеи становились тормозом науки, поскольку начинали обслуживать ненаучную функцию, превращаясь для части коллектива в религию» (Лотман Ю., 1992а, с. 140). Лотман не считал резкие разрывы с прошлым плодотворным занятием и верил в то, что ценная часть культурной традиции должна сохраняться всегда, но гнилое должно отпасть. Поэтому у М.Л. Гаспарова были основания считать, что «Лотман относился к марксистскому методу серьезно, а к идеологии так, как она того заслуживала» (Гаспаров, 1996, с. 8). Так как идеология своим познавательным корнем имела гносеологию, то к ней, видимо, прочно сохранилось настороженное отношение. Друг и единомышленник Ю.М. Лотмана Б.Ф. Егоров считал, что «превосходство гносеологии над онтологией – характерное свойство большинства, если не всех, семиотиков и структуралистов» (Егоров, 1999, с. 105).

А психология прочно связана с гносеологией. Первые факультеты психологии были открыты в МГУ и ЛГУ только в 1966 году, а прежде кафедры психологии входили в штат именно философских. Ведущий факультет психологии находился в Москве и должен был демонстрировать особую идеологическую выдержанность. Я говорю не о том, что у нас не было блестящих философов и психологов, я говорю о том образе этих наук, который сложился у представителей Тартуско-Московской семиотической школы. В Тарту жил и работал очень уважаемый Юрием Михайловичем Леонид Наумович Столович, но он был специалистом в области аксиологии, эстетики и истории философии. А общую философскую атмосферу в Эстонии характеризует такой случай. «В глазах мировой гуманитарной науки явился позорным факт отклонения кандидатуры Лотмана в 1987 году в эстонскую АН. Это не было делом рук партийных инстанций или

руководства академии – там считали избрание самого прославленного в мировом масштабе учёного Эстонии делом решённым. Лотмана провалило отделение общественных наук академии, так и не сумевшее понять, что такое семиотика культуры и наука ли это вообще, а русское литературоведение в Эстонии вообще считалось делом не нужным» (Егоров, 1999, с. 220-221).

Вес физиологии и психологии

Было бы несправедливо утверждать, что Лотман последовательно чуждался психологии. В ней он предпочитал те разделы, которые опираются на естественнонаучное исследование, близкие к физиологии высшей нервной деятельности (психофизиологии и психофизике). Психология интересовала Лотмана и в ее возможностях использовать математический аппарат. В подготовленной Юрием Михайловичем книге переводов западных исследователей «Семиотика и искусствоведение» (1972 г.) приведена статья Г. Мак-Уитни «Обзор исследований по эстетическим измерениям» со ссылками на 34 работы. Но автор в заключении грустно констатирует: «Из изложенного выше видно, что широко проводимые исследования эстетического предпочтения часто приводят к противоположным результатам» (Мак-Уитни, 1972). Психология же высших форм (сознания, творчества) как бы растворялась в семиотике или культурологии. Вот пример «вибрации» понятия «психология». В 1970 году Лотман опубликовал статью «О семиотике понятий «стыд» и «страх» в механизме культуры». Страх присущ как человеку, так и животным. Это биологический механизм обеспечения безопасности особи. Стыд появляется лишь с принадлежностью человека к социальной группе при формировании культурных норм, опирающихся на запреты и включающих регулирование страхом. Исследователя интересует типология культур на основе доминирования того или иного полюса предложенной оппозиции. Начинается изложение с ориентации на психологию. «С психологической точки зрения, сфера ограничений, накладываемых на поведение типом культуры, может быть

разделена на две области: регулируемую стыдом и регулируемую страхом» (Лотман Ю., 2002, с. 435) (курсив мой – М.И.). Но уже при описании раннего (первобытного) периода мы встречаем такие утверждения: «Стыд регулировал то, что было общим для всех людей» (Лотман Ю., 2002, с. 436) и «превращение физиологии в культуру регулируется стыдом» (Лотман Ю., 2002, с. 437). Из физиологии идет путь прямо в культуру – и больше в тексте слов «психология» и прямо связанных с ней нет. И дело совсем не в отрицании психологии, а в необязательности психологического звена в понимании семиотики и культурологии, достаточно факультативного подключения ее идей в их понимании. Иногда это может вызывать возражения. Например, в главе «Асимметрия и диалог» мы читаем: «Внешние раздражители... чтобы стать фактами индивидуального человеческого сознания, должны пройти через центральную нервную систему человека и трансформироваться в соответствии с законами ее языка, внекультурные импульсы, попадая на вход культурной системы, подвергаются в дальнейшем трансформациям по законам ее языков» (Лотман Ю., 1992а, с. 57). Понимание такого «внешнего раздражителя», как текст с омонимией, может ли удовлетвориться только «законами языка»? Или, может быть, «индивидуальное человеческое сознание» именно через механизмы психики должно проинтерпретировать его, превратив его в «факт» содержательного сообщения? – так спросил бы психолог.

Я привел пример достижения важного результата: идеи построения типологии страха и стыда Ю.М. Лотманом. И его тезисы послужили основой для дальнейшего историко-психологического исследования И.С. Кона, который в книге 1978 года «Открытие “Я”» развил концепцию Юрия Михайловича с учетом изучения Лотманом же понятий «честь» и «слава» в древнерусской культуре. Кон, конечно, модифицирует концепцию своего предшественника: «Культурологи давно уже различают такие формы социального контроля, как чувства страха, стыда и вины. Точнее, существует

две разные системы оппозиций: Ю.М. Лотман противопоставляет страх и стыд, а Р. Бенедикт и вслед за ней многие другие западные культурологи – стыд и вину. Как нам кажется, обе эти оппозиции могут быть поняты как элементы более общей системы, в которой каждой отрицательной санкции, какими являются страх, стыд и вина, соответствует определённое положительное начало. Причём между ними существует как генетическая, так и функциональная связь. Чувство страха имеет инстинктивно-биологические основы, оно присуще всем животным и выражает отношение к каким-то внешним силам. В положительном смысле ему соответствует чувство уверенности, безопасности защищённости... Стыд более сложное специфически-культурное образование, гарантирующее соблюдение определённых групповых норм, обязанностей по отношению к «своим». Его положительный коррелят – честь, слава, признание и одобрение со стороны «своих». Чувство стыда психологически сложнее чувства страха, оно предполагает более высокий уровень осознанности... Стыд – механизм общественно-групповой... В переживании чувства стыда нет разграничения поступка и мотива... Более высокий уровень интериоризации социальных норм означает появление индивидуально-личностного контрольного механизма – совести. Негативный полюс ее – чувство и сознание вины. В отличие от стыда, побуждающего человека смотреть на себя глазами каких-то «значимых других», чувство вины является внутренним и субъективным, означая суд человека над самим собой. Но это чувство зато распространяется не только на поступки, но и на тайные помыслы... Положительный коррелят вины – сознание своего достоинства – отличается от славы... индивидуальностью и внутренним характером... Антитеза чести, понимаемой как сословная привилегия, и личного достоинства была впервые чётко сформулирована просветителями XVIII века, но её идейные истоки уходят уже в древние этические концепции» (Кон, 1978, с. 156-158).

Кон явно психологизирует общекультурное построение Лотмана, учитывает категорию мотивации, вводит элемент рефлексии, дает более богатую картину историко-психологического развития страха, стыда и совести, указывает на три оппозиции негативных и позитивных переживаний этих регуляторов психики и поведения (вина – чувство достоинства и т.д.). В 1982 году при переиздании Лотманом своего текста реакции на идею Кона не последовало.

Будучи выдающимся филологом и культурологом, Лотман в последние десятилетия своей жизни все больше «дрейфовал» в сторону семиотики и искренне искал идейные созвучия в смежных областях, радуясь даже обнадеживающим междисциплинарным аналогиям, считая, что «аналогия – метод научного мышления, который способен раскрывать глубокие и иначе не доступные черты явления» (Лотман Ю., 1992а, с. 53). В теории информации ученый высоко оценил идею, что информативность сообщения прямо зависит от его неожиданности для получателя. При передаче текста требуется как минимум две инстанции (адресант и адресат), и если они пользуются одним языком (кодом), то прием сведений будет точным, неискаженным, гарантированно адекватным, но его информативность устремится к нулю. Диалог получается только при обратной связи двух систем, которые геометрически подобны паре пересекающихся окружностей, а наибольшую информативность можно получить из непересеченных пространств. Значит, любое сознание и любой текст должны содержать в себе не менее двух кодов. Поэтому, когда Лотман услышал о функциональной асимметрии полушарий мозга, то проявил к этому феномену исключительный интерес, не очень разграничивая физиологический и психический аспекты. Отключение деятельности одного полушария показывало изменение в восприятии и понимании картины мира. Левое («логическое») полушарие семиотически соответствовало созданию дискретного построения внеличностной реальности (линейного,

последовательно структурированного). Правое же создавало недискретный, континуальный, образный мир. Наблюдение таких явлений принадлежало медикам, лечившим больных с инсультом мозга. Их же стали исследовать и патопсихологи. Лотман сразу же предложил себя как здорового человека, чтобы участвовать в более объемном и полном исследовании этого феномена! К сожалению, за три года до кончины, ученый получил инсульт с поражением левого (речевого) полушария. При этом он создавал (диктовал) книги. Огрубленная картина асимметрии мозга была исходной точкой исследований физиологов, которые тщательно изучали компенсаторные возможности мозга, его способности восстанавливать функции поврежденной мозговой ткани. И это доказал сам Лотман своим поведением. «Обследование мозга с помощью томографа показало, что мозг ученого весь заполнен микровзрывами сосудов, т.е. микроинсультами. Врачи удивлялись, как может с такой головой человек жить. А он не только творил, он продолжал диктовать, даже находясь на больничной койке, статьи и книги» (Егоров, 1999, с. 223-224). И заодно Юрий Михайлович компетентно описывал свой внутренний опыт, создавая материал для будущих научных исследований медиков, физиологов и психологов. «Ученый постоянно занимался самоконтролем и самоанализом, это был редчайший случай, когда исследователь асимметрии полушарий головного мозга на своем собственном болезненном состоянии мог изучать дисбаланс и различия в работе мозга; крайне любопытно, что заметный уклон ученого в сторону пространства при некотором оттеснении времени на второй план – в болезненной психике выразился тоже в перебарывании и отвержении времени пространством. В письме ко мне от 3 сентября 1989 г. Лотман описал свое больничное состояние... «В практическом быту я прекрасно понимал, что такое время, но одновременно жил в мире, в котором я сам и все люди, которые когда-либо пересекались с моей жизнью (люди, о которых я только читал или слышал, в этот мир не попадали), существовали

одновременно и вне времени, как бы высвечиваемые в разных частях одного пространства. Например, отец был одновременно во всех возрастах и существовал сейчас. То же – и о всех других людях. Я мог, постаравшись, отыскать и увидеть события, которые я, казалось, абсолютно забыл. В этом мире ничто не исчезало, а только уходило в область неясного зрения и вновь выходило из нее» (Егоров, 1999, с. 222). Вот оно, торжество великой личности над физиологией!

Данная статья не является всеобъемлющим показом точек соприкосновения исследований Лотмана с психологией, я хотел бы выделить несколько важных моментов в обозначенной области. И самое главное – показать возможность серьезного и плодотворного влияния его идей на развитие психологической науки, даже при условии умеренного использования высказываний психологов (в самом последнем труде Юрия Михайловича «Внутри мыслящих миров», изданном посмертно, в 1994 году, например, упомянуто только три имени: З. Фрейда, И.П. Павлова и Л.С. Выготского). Научная мысль Лотмана «шла параллельно» с мировой психологической мыслью и может служить источником взаимной перспективной перекодировки.

Стойкость перед конструктивистским искушением

Лотман считается основателем новой научной дисциплины, исследующей «семиосферу». В основу положены законы универсального функционирования знаковых систем. А проблема знака – стоит на рубеже позитивного и негативного использования аксиомы о нежесткой закреплённости плана выражения и плана содержания, что открывает путь как к исследованию связи знаковости с «внешней» действительностью, так и с абсолютизацией независимости семиотической картины мира от мира «реального». Не только в современной Лотману науке, но и в ее прошлых концепциях (скажем, у русских формалистов 1920-х годов) наблюдался

семиотический «изоляционизм». А западный структурализм конца XIX века все больше склонялся к тому, что оформлялось в движение конструктивизма / конструкционизма.

В логически организованном и нейтрально изложенном выводе программа конструктивизма может быть представлена в следующем кратком виде. Психика не отражает, а конструирует себя и мир. Вводится ограничение представлений о реальности межличностным согласием разной степени в диалоге и взаимодействии личностей и групп. Признается не просто отказ от претензий на признание «своей» истины как единственно правильной, но постулируется равенство любых позиций и бессмысленность постижения объективной истины. Нормой бытия объявляется многомерная и «разномыслимая» жизнь, направленная на взаимное межличностное и межгрупповое взаимосогласие – социальное и когнитивное. Соответственно, исторический подход ставится под сомнение, фактически не учитывается «большое время» как источник культуры и базы мышления, акцент делается на современности, равноправии автора текста и читателя, допускается свободная деструкция памятника культуры в интересах дня сегодняшнего и достижения новизны, так сказать «свежего взгляда». Приведу несколько пользующихся авторитетностью высказываний.

«Конструктивизм в узком смысле при всем разнообразии подходов базируется на представлении не об отражательной (в духе теории отражения или теории копирующей истины), а в основном *о конструктивной сути сознания и познания, обусловленности восприятия и понимания мира личностными конструктами, образованными в ходе онтогенеза, и в силу этого на представлении о множественности трактовок реальности, отсутствии объективной и абсолютной истины*», – утверждает И.Н. Карицкий (Карицкий, 2018, с 7). «Я могу продемонстрировать множество психологических текстов, где пишется о соответствии их теоретических построений некоей «объективной действительности»,

«психологической реальности», «социальной действительности»... При этом сама эта действительность подразумевается, как некая онтологическая данность, существующая сама по себе безотносительно к позиции исследователя, и ставится вопрос, насколько тот или иной образ, та или иная характеристика или оценка соответствует действительности», – заявляет В.Ф. Петренко (Петренко, 2018, с 21-22). В крайнем варианте П. Фейерабенд вообще протестовал против рационализма (и против интеллектуалов!) как наследия тоталитарной эпохи: «Релятивизм пугает интеллектуалов, ибо угрожает их социальным привилегиям (так в свое время просветители угрожали привилегиям священников и теологов). Народ, долго тиранизированный интеллектуалами, научился отождествлять релятивизм с культурным и социальным декадансом. Поэтому на релятивизм нападают и фашисты, и марксисты, и рационалисты» (Новейший философский словарь, 2003, с. 1079).

Методологическая позиция Ю.М. Лотмана, очень важная для гуманитарных наук – и в том числе для психологии, ориентирует не на резкий разрыв с прошлым «объективизмом», а на признание объективно существующего мира и открытость семиосферы для контакта с ним при важности автономных ее возможностей. В последней своей книге «Культура и взрыв», которую уже больной Лотман диктовал, его позиция высказана с полной определенностью. «За пределами семиотики культуры лежит реальность, находящаяся вне пределов языка... Таким образом, мир семиозиса не замкнут фатальным образом в себе» (Лотман Ю., 1992b, с. 42-43). «Граница, отделяющая замкнутый мир семиозиса от внесемиотической реальности, проницаема» (Лотман Ю., 1992b, с. 179).

Лотман делает такие утверждения не просто на основе здравого смысла. Он дает семиотическое обоснование. Исходным является утверждение об обязательной двойственности (а желательно и множественности) языков коммуникации, что обеспечивает

информативность сообщения. Ибо только несовпадение кодов адресанта и адресата является условием возникновения частичной непонятности сообщения для его получателя, а тем самым признания несовершенства своего кода и потребности в новой интерпретации принятого текста, имеющего «непереводимые» элементы, которые доступны примерно, «фигуральному», метафорическому истолкованию. Для уточнения посылается адресанту ответ-реплика или вопрос о правильности воспринятого послания. Источник информации получает сообщение о другом, частично понятным кодом и должен повторить ту же самую процедуру перевода не очень понятного ответа в гипотетически осмысленный. Так возникает диалог – его культурно-познавательное значение обосновал М.М. Бахтин, очень уважаемый Лотманом. Прочным критерием правильной взаимной диалогической деятельности непереводимого в переводимое может служить только обращение к внесемиотической «реальности», которая сама постулируется как носитель языка, гаранта упорядоченности, нехаотичности внешнего мира (Лотман любил стихи Пушкина о познании жизни: «Я понять тебя хочу, // Темный твой язык учу»). Так появляется третий участник коммуникации. Лотман стремится преодолеть трансцендентальную казематность философии Канта: «Семиотическое пространство предстает перед нами как многослойное пересечение различных текстов, вместе складывающихся в определенный пласт, со сложными внутренними соотношениями, разной степенью переводимости и пространствами непереводимости. Под этим пластом расположен пласт «реальности» – той реальности, которая организована разнообразными языками и находится с ними в иерархии соотнесенностей. Оба эти пласта вместе образуют семиотику культуры. За пределами семиотики культуры лежит реальность, находящаяся вне пределов языка. Слово «реальность» покрывает собой два различных явления. С одной стороны, это реальность феноменальная, по кантовскому определению, то

есть та реальность, которая соотносится с культурой, то противостоя ей, то сливаясь с нею. В ином, ноуменальном смысле (по терминологии Канта), можно говорить о реальности как пространстве, фатально запредельном культуре. Однако все здание этих определений и терминов меняется, если в центре нашего мира мы поместим не одно изолированное «я», а сложно организованное пространство многочисленных взаимно соотнесенных «я». Итак, внешняя реальность была бы, согласно представлениям Канта, трансцендентальной, если бы пласт культуры обладал одним единственным языком. Но соотношения переводимого и непередаваемого настолько сложны, что создаются возможности прорыва в запредельное пространство. Эту функцию также выполняют моменты взрыва, которые могут создавать как бы окна в семиотическом пласте» (Лотман Ю., 1992b, с. 42). С семиотической точки зрения Лотман показывает необходимость развития многоязычности для возникновения межличностной коммуникации, усложнения личного «многоголосия» и формирования культуры (возможной только при возникновении групп – ее носителей, особенно развитого языка). Тогда происходит рост автономности указанных уровней (от личности до культуры) и увеличиваются возможности прорыва во внесемиотическую реальность. Создается модель, которая открыта для психологической интерпретации специалистов смежных гуманитарных наук. В споре западных семиотиков Лотман стоял на стороне Умберто Эко, который «критиковал Леви-Стросса ...отмечая у него эпистемологически недопустимое превращение понятия структуры как методологической модели во что-то вроде объективной реальности» (Ким Су Кван, 2003, с. 141). Кстати, сам Эко был убежден, что «Лотман с самого начала представлял семиотику когнитивной наукой» (Эко, 1996, с. 409).

В этом отношении особенно важно указание Лотмана на уважение к устойчивой художественной структуре классического текста – жертвы склонных к патологанатомическому анализу искусства деструкционистов и

апологетов мнения о «смерти автора»: «Академическое издание отличается не просто авторитетностью исследователей или пышностью оформления, а принципиальной ориентацией на писательское восприятие» (Лотман Ю., 1992b, с. 180).

Семиотическое богатство диалога непереводаемых языков

Единственный, построенный на жесткой связи знака и значения язык в представлении Лотмана не только бесполезен для коммуникации между людьми, но и просто невозможен: сообщение на нем не несет в себе никакой информативности, то есть смысла, прием и обработка такого текста сводится к механической фиксации. «Для того, чтобы достаточно сложное сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью, нужны условия, в естественной ситуации практически недостижимые: для этого требуется, чтобы адресант и адресат пользовались полностью идентичными кодами, то есть, фактически, чтобы они в семиотическом отношении представляли бы как бы удвоенную одну и ту же личность, поскольку код включает не только определенный двумерный набор правил шифровки – дешифровки сообщения, но обладает многомерной иерархией» (Лотман Ю., 1996, с. 13). «Сущность личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникационного акта меняется» (Лотман Ю., 1996, с. 26). На филологическом уровне Лотман свою мысль в устном выступлении выражал так: чтобы абсолютно однозначно понять, какой смысл вкладывал автор «Евгения Онегина» в этот текст, нужно знать все, что знал Пушкин, и забыть все, что узнали мы до настоящего времени.

Все люди обладают уникальным личным опытом, также закодированным в их языке. И в диалоге собеседники расширяют свой интеллектуальный горизонт, справляясь с принципиальной непереводаемостью чужого языка на свой. Ю.М. Лотман опирался на

синергетическую теорию И.Р. Пригожина, в которой устойчивая упорядоченность мира вдруг переходила в стадию хаотической неопределенности, проходящую через этап взрыва и создания нового, усовершенствованного порядка – совершался творческий акт. В культуре творчество реализуется в сознании личности, предложившей свой вариант выбора в имеющемся наборе возможностей, причем ни логика, ни опора на традицию не были достаточными основаниями для уникального успешного решения. Здесь зарождались и ростки свободы личности, так как механический детерминизм не действовал в ситуации неопределенности выбора. Вершинным проявлением такого творчества являются наука и искусство. «Творческое мышление как в области науки, так и в области искусства имеет аналоговую природу и строится на принципиально одинаковой основе – сближении объектов и понятий, вне риторической ситуации не поддающихся сближению» (Лотман Ю., 1996, с. 60). Исходно же факт содержательного диалога между двумя людьми указывал на обретение информативности сказанного собеседниками путем «аналоговой» переводимости непереводаемого, то есть на творческую природу сознания.

Из семиотической природы информационного процесса взаимодействия выводит Лотман, опираясь на теорию синергетики, и восприятие редких событий, и появление сознания, личности, социальных групп и культуры. В одном рассуждении Ю.М. Лотман так выстроил логический вывод: «семиотический (и, следовательно, психологический)» (Лотман Ю., 1996, с. 82). Историческая картина строится как демонстрация перехода устойчивых состояний в бифуркационный вихрь (взрыв), полный неожиданностей, неопределенности и множества возможных вариантов выхода из кризиса (выборов будущего пути). Где есть выбор, там создаются условия для роста самостоятельности, а значит, автономии и свободы выбирающей инстанции и, следовательно, усиливается творческое начало жизни, закрепляющей позитивные результаты прошлых новаций. «Если до

того, как выбор был сделан, существовала ситуация неопределенности, то после его осуществления складывается принципиально новая ситуация, для которой он был уже необходим, ситуация, которая для дальнейшего движения выступает как данность. Случайный до реализации, выбор становится детерминированным после. Ретроспективность усиливает детерминированность. Для дальнейшего движения он – первое звено новой закономерности. Пригожин отмечает, что в моменты бифуркации процесс приобретает индивидуальный характер, сближаясь с гуманитарными характеристиками. Можно было бы выделить градацию степени интенсивности непредсказуемости: вмешательство случая – вмешательство мыслящего существа – вмешательство творческого сознания» (Лотман Ю., 1996, с. 325). «Там, где можно предсказать следующее звено событий, можно утверждать, что акта выбора из равновозможных альтернатив не было. Но сознание – всегда выбор» (Лотман Ю., 1996, с. 328). «Для того чтобы система была «интеллектуальной», ей надо быть индивидуальностью и состоять из индивидуальностей. Такая индивидуальность, заключающаяся в обладании набором кодирующих структур и памяти, которые, будучи общими с другими аналогичными устройствами (условие общения), индивидуальны (условие, одновременно затрудняющее общение и делающее его интеллектуально плодотворным), определяется нами как семиотическая личность» (Лотман Ю., 1992а, с. 33). Повторю краткое высказывание Лотмана: «Личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов, а набор этот здесь, в процессе коммуникативного акта, меняется» (Лотман Ю., 1996, с. 26). «В этом отношении особенно показательно творческое мышление. Как мы уже говорили, творческое сознание есть акт возникновения текста, непредсказуемого по автоматическим алгоритмам... То, что устройство такого рода может генерировать новые тексты, причем поведение его регулируется не автоматическими алгоритмами, а выбором из двух или нескольких

альтернатив, то есть оно свободно, делает его разумным. Потребность «другого» есть потребность в своей самобытности, так как «другой» нужен именно потому, что он дает иную модель той же реальности, и иной язык моделирования, и иную трансформацию того же текста» (Лотман Ю., 1996, с. 33). С семиотической точки зрения, естественно, личность стала рассматриваться подобием текста. Как справедливо заметил Ким Су Кван, «позиция Лотмана направлена именно на то, чтобы придать понятию текста свойства «личности»» (Ким Су Кван, 2003, с. 125).

В контексте сказанного можно понять статус психологии как источника научных идей Лотмана. Психология была как бы периферийной союзницей. Но потенциал культурно-семиотической теории Лотмана по силе ее влияния на психологию нужно оценить очень высоко. Идеи переводимости «принципиально непереводимого» как условия роста информативности сообщения и, таким образом, появления сознания, личности, социальной общности, культуры, роста автономии и свободы выбора при усложнении коммуникации между этими инстанциями и внутри них, – все это имеет сильнейшее эвристическое значение для психологических исследований, а некоторые высказывания Лотмана похожи на прозрения в области развития психологии. «Правое и левое полушария головного мозга человека, разноязычные субтексты текста, принципиальный полиглотизм культуры (минимальной моделью является двуязычие) образуют единую инвариантную модель: интеллектуальное устройство состоит из двух (или более) интегрированных структур, принципиально разным образом моделирующих внележащую реальность. Эволюционно это явление можно представить как вырастающее из парности органов чувств. Однотипно преобразуя внешние раздражения, парные органы чувств, однако, пространственно разнесены и «смотрят» на мир под разными углами зрения. Это придает создаваемой ими картине стереоскопичность пар: взгляд на объект с одной и другой точки зрения одновременно легче связывается в

единую картину, чем интеграция зрительного и слухового образов мира. Но именно потому, что образы эти рационально не взаимопереводимы и интеграция их требует напряжения, они представляют важный этап на пути к возникновению асимметрии мозговых полушарий. Аналогична структура и других систем смыслообразования» (Лотман Ю., 1996, с. 11).

Культурологическая модель Лотмана в интерпретации психологической теории

Я хотел бы показать, как исследования Лотмана шли в параллели с поисками современной ему психологии. Повторю его уже упомянутое высказывание 1982 года: «Аналогия – метод научного мышления, который способен раскрывать глубокие и иначе не доступные черты явления» (Лотман Ю., 1992а, с. 53). Если учесть его идею, что «непереводимость» с помощью метода тропов, преодолевая формальную логику, обеспечивает творческое открытие, то можно попытаться установить эквивалентность двух интеллектуальных систем даже при наличии разной терминологии и исходных позиций сторон. В своих построениях Лотман чаще всего использует прямой переход от физиологии к культуре, фактически пропуская анализ связующего их моста – психологии (выделяется лишь семиотический аспект ее структуры: сознания, личности и проч.). А интерпретация возникновения и функционирования этой «переходной» инстанции необходима, и ее дают психологические системы.

Я обращаюсь к развивающейся ныне теории психологики, основателем которой является Виктор Михайлович Аллахвердов. О данном направлении психологии я написал несколько работ (Иванов, 2021а; Иванов, 2021b), к которым читатель может обратиться для более подробного знакомства, не говоря уже о трудах самого ученого. Поэтому мой концептуальный пересказ некоторых идей психологики будет направлен на сбережение размеров данной статьи. Выбор данного направления не говорит об изоляционном

предъявлении отдельной научной школы, так как в работах Аллахвердова и его последователей учитывается обширный опыт мировой психологии и даже предложенные законы названы именами выдающихся ученых: Юма, Джемса, Фрейда, Фестингера, Ланге, Бардина и т.п.

Источником теории психологии служит книга Аллахвердова «Опыт теоретической психологии», вышедшая в 1993 году (в год кончины Юрия Михайловича). Исходно автор «Опыта» ставит онтологический и гносеологический вопросы, не сомневаясь в наличии реального мира вне нашего сознания, но констатируя «головоломку» познания. «Реальный мир (Д-мир) отличается от *его* отражения, модели, создаваемой субъектом (М-мир). Для того чтобы оценить, правильно ли каждый из нас отражает внешний мир, надо установить соответствие М-мира Д-миру» (Аллахвердов, 1993, с. 8). Но как это сделать? В лотмановской постановке проблемы речь шла бы о соотношении данной в нашем сознании семиотической картины мира с внесемиотической реальностью. Лотман говорит о необходимости двух независимых и взаимно непереводаемых языков, чтобы с их помощью прорвать «семиотическую» блокаду и выйти к реальности. Аллахвердов указывает на психический способ решения гносеологической «головоломки»: вводится идея механизма сличения. «Пусть два М-мира построены субъектом совершенно независимо друг от друга путем переработки принципиально разной информации с помощью абсолютно различных алгоритмов. Ни один из этих М-миров субъект не может непосредственно соотносить с Д-миром, *но может* сопоставлять между собой. Допустим, он обнаруживает соответствие этих двух М-миров друг другу. О чем это говорит? Если М-миры достаточно сложны, то их случайное совпадение практически невероятно. Но раз они все же совпадают, то это характеризует то общее, что есть у этих М-миров, а именно – один и тот же фрагмент Д-мира, который они одновременно отображают» (Аллахвердов, 1993, с. 13). Здесь не будем углубляться в психологическую прозу, но отметим, что механизм сличения,

который в семиотических построениях скорее постулируется, в психологии требует преодоления немалых парадоксов (от установления абсолютных и относительных порогов рецепции, до отождествления нетождественного через механизм константности и проч.). У Лотмана различие психического и физиологического подразумевается как констатация в общекультурном понимании и употребляется несколько размыто. Аллахвердов же связывает формирование психики и сознания с решением надфизиологической «головоломки»: с поиском истины. «Я предлагаю трактовать возникновение психики и сознания как способ, с помощью которого природа решила головоломку, связанную с возможностью сопоставления Д-мира и М-миров, т.е. как способ установления истинности данных субъекту моделей мира» (Аллахвердов, 1993, с. 10). Именно поэтому и встает вопрос о необходимости объяснения, почему для обеспечения жизнедеятельности организма недостаточно было физиологии: ведь наше тело идеально размеренно дышит, управляет движением крови, растет, потеет, глотает, и сбой – это признак поломки ясной программы. Ответ на языке семиотики означал бы, что там действует один код / язык, на котором, как сказал Лотман, «подаются команды». При возникновении ситуации, которая не запрограммирована в физиологической функции, происходит сбой или хаотическая реакция (в традиционной когнитивистской парадигме такое явление подобно ответу компьютера на не соответствующий алгоритму, «неучтенный» запрос). Вот почему понадобилось то самое многоязычие, подразумевающее выбор, а за ним свободу личности. У высокоразвитых организмов обеспечить сохранение целостности и гомеостатичности возможно только при формировании нового уровня: психики. «Существует множество психических сфер и... сравниваются между собой результаты операций в разных сферах. Это возможно, если каждая психическая сфера образует в ответ на строго определенную стимуляцию и никак не реагирует на стимулы другого типа. Похоже, что именно по этому пути пошла природа, создав

разные сенсорные модальности. Действительно, если сенсорные образы разных модальностей порождаются независимо друг от друга, то следует признать, что они могут независимо проверять друг друга, так как все они в конечном счете отображают один и тот же объект – мир, в котором живет субъект (т.е. Д-мир, пользуясь терминологией введения). Кажется очевидным, что разномодальные сенсорные образы возникают независимо друг от друга. Звуками не построить тактильный образ, и никакие зрительные стимулы не породят вкус ананаса, если субъект никогда его не ел» (Аллахвердов, 1993, с. 235-236). О «перекрестной выверке показаний сенсорных синтезов» говорил еще Н.А. Бернштейн (Бернштейн, 1966, с. 228). Аллахвердов многоканальность проверочной деятельности переводит с физиологического уровня на психологический. Так формируется способ формирования гипотез, которые выходят на уровень сознания: оно же оказывается в образовавшейся ситуации неопределенности, когда нужно выбрать один из предложенных вариантов. После чего включается механизм контроля за выбранным вариантом и блокировка отвергнутых вариантов. Реализуется механизм позитивного и негативного выбора. Если первый был неудачным, то со временем произойдет его практическое опровержение и сознание вернется к новому этапу выбора. Если же первый вариант был удачным, то расширяется и закрепляется полезный интеллектуальный опыт. В дальнейшем независимая проверка направляется уже на процедуру сознательного выбора в поисках обоснования его действий, что решает проблему свободы и детерминизма. «Такой подход объясняет возникновение познавательного контура, в котором субъект строит и проверяет гипотезы о самом себе. Действия, проверяющие гипотезы самосознания, самим этим самосознанием и детерминированы. Отсюда следует: самосознание в гораздо большей мере детерминирует поведение субъекта, чем реально действующие на него физические причины. До сих пор все знали, что поведение человека детерминируется физическими причинами, социальным окружением и

представлением о самом себе (Я-концепцией). Теперь удалось найти возможную логику работы познающей системы, детерминировано порождающей столь разные типы детерминаций» (Аллахвердов, 1993, с. 285-286).

«Эти связи окажутся одинаковыми у разных людей тогда, когда они, постепенно подлаживаясь к действительности, начнут более-менее адекватно отражать один и тот же Д-мир... Когда люди с разным жизненным опытом включают в свой сенсомоторный словарь одни и те же сенсомоторные связи, то это дает весьма серьезные основания считать, что эти связи во многом определены не субъективным опытом, а реальностями окружающего мира... Своеобразный качественный скачок в детерминации психического наблюдается при переходе к социальным отношениям между людьми. Субъект, проверяя гипотезы о сенсомоторном словаре других людей, втягивается в порождение неадекватных действий, направленных исключительно на поддержание взаимозависимости между людьми» (Аллахвердов, 1993, с. 284).

«Наша задача, тем самым, объяснить, почему субъективные основания, однажды неизбежно возникнув, начинают жить по своим собственным законам. Неразрешимая дилемма: либо детерминизм, отрицающий свободу, либо свобода, отрицающая детерминизм, тем самым может быть преодолена. Человек свободен потому, что принимает решения, опираясь, в первую очередь, на те основания, которые сам осознает именно как основания для принятия своих решений. Эти субъективные основания являются решающим фактором поведения человека. Поэтому он ответственен за собственные поступки. Другое дело, что само возникновение субъективных оснований должно быть детерминировано. Речь идет, таким образом, не об индетерминизме, а о другом принципе детерминации – назовем его инодетерминизмом» (Аллахвердов, 1993, с. 282).

Но поступающая в сознание неизменная информация, то есть не требующая постоянного сличения и выбора, уходит из сознания (по «закону Джемса»), так что активность сознания требует в принципе вариативности для осуществления как минимум отождествления нетождественного. Необходим выбор, однозначная (по Лотману, одноканальная, одноязычная) стимуляция актуально несодержательна. Чтобы образы присутствовали в сознании, они должны «вибрировать» в границах механизма константности или при чрезвычайной неожиданности вызывать «разрыв контекста» (у Аллахвердова), «взрыв» (у Лотмана).

Значение, смысл, личность как текст

Теперь я хотел бы в сравнительно кратком изложении перейти к теоретическим и прикладным проблемам психологии, которые могут решаться с ориентацией на перспективные семиотические и культурологические идеи Лотмана. Мне, например, выпала возможность в течение 20 лет читать курс «Исторической психологии». Предполагалось, что в нем требовалось описать и проанализировать некую усредненную картину психической жизни людей в процессе смены исторических эпох. Обращаясь к историко-психологическому материалу (с учетом своей профессиональной филологической памяти), я пытался выработать идеи сложного состава «психических миров» в каждом синхронном срезе того или иного исторического этапа, все время держа в голове потенциальный подход Юрия Михайловича. Признаюсь, его книга «Культура как взрыв» казалась мне далекой от моих интересов (мне представлялся слишком специфичным семиотический подход Лотмана к проблеме личности). Поэтому я бегло просмотрел ее, акцентировав внимание на проблеме взрыва. А жаль. Разработав концепцию асинхронных культурно-психологических слоев личности, позднее я проработал этот труд и нашел подтверждение своей установки: «Культура как сложное целое составляется из пластов разной

скорости развития, так что любой ее синхронный срез обнаруживает одновременное присутствие различных ее стадий. Взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других. Это, однако, не исключает взаимодействия этих пластов... И постепенные, и взрывные процессы в синхронно работающей структуре выполняют важные функции: одни обеспечивают новаторство, другие – преемственность» (Лотман Ю., 1992b, с. 25). Правда, в моем представлении «довзрывные» культурные формы не просто выполняют музейную сохранность прошлых открытий, но в культуре способны развиваться, создавая шедевры в рамках более «продвинутых» систем. (Сошлюсь на свою монографию, которая стала докторской диссертацией (Иванов, 1996)). В дальнейшем я пытался создать первый силуэт вершинной личности эпохи и ее антипода – деструктивной личности – в контексте культурно-психологической асинхронности (Иванов, 2006; Иванов, 2021b).

«Семиотическая личность» Лотмана, наделенная способностью к выбору, а тем самым автономная и свободная, неизбежно должна была обладать и семиотической специфичностью, даром индивидуального понимания общепринятого значения слов. Здесь уже подразумевается вхождение в сферу психологии, лингвистики, культурологии и философии, занимающихся проблемой оппозиции «значение-смысл». Над этой семантической дифференциацией веками размышляли мыслители. Но в психологии явно и концептуально стал говорить уже в 1950-е годы А.Н. Леонтьев. «Значение есть категория общественного сознания... оно, отражая отношение предмета не к индивиду, но к коллективу, отражает устойчивое в предмете и устойчивое в потребности субъекта, теперь человеческой, т.е. общественной его потребности. Субъект здесь = коллектив. Смысл выступает теперь как смысл для коллектива и лишь тем самым и для субъекта: он осознается... Возникновение в ходе развития общественных отношений сознания «Я» и есть возникновение

сознательного смысла. Первичное значение раздваивается: появляется отношение смысл – значение. Смысл и есть «для меня значение»!» (Леонтьев, 1994, с. 209). За «идеологически выверенной», а потому запутанной фразой скрыто противопоставление объективного и субъективного понимания языковых единиц, которые как бы оборачиваются разными сторонами при общении с другими и внутреннем, личном размышлении. Лотман стремится расширить область проблемы с использованием грамматических категорий «имя нарицательное» и «имя собственное», открывая путь к исследованию творчества и искусства, проводя даже неожиданные параллели, восходящие чуть ли не к психоанализу. Важным здесь является переход из зоны чужеродной вненаходимости в зону интимности.

«Можно утверждать, что мир ребенка раннего возраста, крайне ограниченный пространственной сферой личного опыта, заполнен единственными вещами. В языке это отражается господством собственных имен и тенденцией воспринимать всю лексику сквозь эту призму... Мир собственных имен с его интимностью – своеобразная лингвистическая параллель к космической идее материнского лона – и мир нарицательных имен, носитель идеи объективности, выступают как два регистра, единые в своей конфликтности» (Лотман Ю., 1992b, с. 181). «Самое объективное построение текста не противоречит субъективности переживания читателем. Потенциально такая возможность заложена в языке. Газетное известие о стихийной катастрофе на другом конце земного шара переживается нами иначе, чем такие же сообщения, касающиеся близких в географическом отношении нам районов, и, конечно, совсем иначе, если они непосредственно касаются нас и наших близких. Дело в том, что сообщение здесь перемещается из пространства нарицательных имен в мир собственных. А эмоциональное переживание известий из этого последнего мира принципиально интимно. Художественный текст превращает эту тенденцию

в один из важнейших структурных элементов. Он в принципе заставляет нас переживать любое пространство как пространство собственных имен. Мы колеблемся между субъективным, лично знакомым нам миром и его антитезой» (Лотман Ю., 1992b, с. 183).

И Лотман дал блестящий пример такого понимания в своей, пожалуй, самой известной книге «Анализ поэтического текста» (1972 г.), рассчитанной на использование филологами метода структурализма в школьной и вузовской практике. При анализе двенадцати стихотворений классиков Лотман показывает, что каждое произведение имеет свой словарь, где слова приобретают особое значение, не порывая связи с общесловарным пониманием, но обретают ту интимность, которую порождает уже личный смысл переживаний поэта. Между словами возникают уникальные (окаzionaliальные) связи синонимии и антонимии, меняется эмоциональная и стилистическая оценка (в отличие от интерпретации в статье толкового словаря) за счет использования параллелизма, тропов, исторических ассоциаций и пр. В целом же открывается путь к пониманию Другого в самых разных практических ситуациях (публицистике, психологии и психиатрии, педагогике). Опираясь на опыт М.М. Бахтина, Ю.М. Лотман в дальнейшем расширил филологический подход к литературе исследованием прозы, переходя от изучения парадигматических связей (в поэзии) к синтагматическим (в прозе). В психологии результаты метода Лотмана особенно ценны для психосемантики.

Следующий комплекс лотмановской идей мне представляется более гипотетическим, но также эвристическим: это выделение бинарных и тернарных типов культуры, стимулирующих типы мышления. Бинарный построен на жесткой оппозиции и взаимной неприемлемости позиций. Правда, зона приложения типологии относится к социальной жизни. Бинарная система полагает, что решение всех негативных сторон жизни возможна только при устранении захватившего власть врага, у которого все

«истинные» принципы заменены на ложные. В статье «Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века)» исследователь писал: «Основные культурные ценности (идеологические, политические, религиозные)... располагаются в двухполюсном ценностном поле, разделенном чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» (Лотман Ю., 2002а). «Тернарные структуры сохраняют определенные ценности предшествующего периода, перемещая их из периферии в центр системы. Напротив того, идеалом бинарных систем является полное уничтожение всего уже существующего как запятнанного неисправимыми пороками. Тернарная система стремится приспособить идеал к реальности, бинарная – осуществить на практике неосуществимый идеал» (Лотман Ю., 1992b, с. 258). «В сфере реальности взрывы исчезнуть не могут, речь идет лишь о преодолении фатального выбора между застоєм и катастрофой» (Лотман Ю., 1992b, с. 270). Тернарные системы допускают наличие нейтральной зоны между ценностно противоположными и враждебными позициями. При расширении «нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня» (Лотман Ю., 2002а). Плодотворность тернарной системы в приложении к социальным вопросам располагает к рассмотрению возможного ее перенесения к творческим процессам психики, ибо «взрыв» в сознании дает неясные для выбора альтернативы, которые, возможно, выделены не в полном наборе, и есть третье решение, позволяющее найти вход из первоначального альтернативного тупика. Неучтенный выбор (который психологика помещает в область бессознательного) может быть в критической ситуации разблокирован и явлен так, что даже примиряет конфликт первоначальных выборов и позволяет успешно постигнуть «головоломку» реальности.

Явленная самоактуализация

Завершая статью, я хотел бы вернуться к исходной личной проблеме, которая встала передо мной, когда филологическую работу я стал совмещать с трудом психолога, все более погружаясь в материал новой для меня науки. Труды выдающихся филологов, и в первую очередь Ю.М. Лотмана, послужили источником знания, которое, действительно, помогало органично входить в мир психической жизни. В нашей стране филология во многом взяла на себя изучение таких гуманитарных зон, которые находились под сильной партийной опекой: социологии, истории, этики и... психологии. Литературоведы создавали более богатую картину внутреннего мира личности, опираясь на тексты художественной классики. И в ряде областей продвигались быстрее, чем западные психологи. Так, на мой взгляд, случилось и с концепцией самоактуализации личности. Уже в 1940-е годы учитель Ю.М. Лотмана Григорий Александрович Гуковский дал ее описание при анализе образа Моцарта в трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери» раньше разработок А. Маслоу и К. Роджерса – классиков гуманистической психологии (см. Иванов, 2011). Продолжил эту традицию и Ю.М. Лотман. В вышедшей в 1981 году книге «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя», изданной миллионным (!) тиражом, читатель обнаруживал такие строки: «Бытовое положение Пушкина было сложным: репутация ссыльного, постоянные денежные затруднения в сочетании с необходимостью общения с людьми разного общественного положения, незначительность чина, двусмысленность самого положения поэта в обществе – все делало его не защищенным от возможных оскорблений... Надо было быть поистине гениальным не только поэтом, но и человеком, чтобы в этих условиях не дать себя соблазнить ни одной из пошлых масок общественного маскарада, а твердо и уверенно строить свою личность, создавая ее постоянно как оригинальное и законченное художественное произведение» (Лотман Ю., 1981, с. 85-86). «Говорим ли мы о ссылке на юг, или в Михайловское, или о

длительном заточении в Болдине, нам неизменно приходится отмечать, какое благотворное воздействие оказали эти обстоятельства на творческое развитие поэта. Создается впечатление, что Александр I, сослав Пушкина на юг, оказал неоценимую услугу его романтической поэзии, а Воронцов и холера способствовали погружению Пушкина в атмосферу народности (Михайловское) и историзма (Болдино). Конечно, на самом деле все обстояло иначе: ссылки были тяжелым бременем, заточение в Болдине, неизвестность судьбы невесты могли сломать и очень сильного человека. Пушкин не был баловнем судьбы... Пушкин властно преображает мир, в который его погружает судьба, вносит в него свое душевное богатство, не дает «среде» торжествовать над собой. Заставить его жить не так, как он хочет, невозможно. Поэтому самые тяжелые периоды его жизни светлы» (Лотман Ю., 1981, с. 190-191). Думаю, читатель сам оценит степень сходства такого портрета Пушкина с характеристикой самоактуализированной личности, данной А. Маслоу, хотя и представленной в других терминах. «Самоактуализация – это труд ради того, чтобы сделать хорошо то, что человек хочет сделать. Стать второстепенным врачом – это неподходящий путь к самоактуализации» (Психология личности, 1982, с. 113). Общий анализ данных позволил выявить наиболее целостные характеристики самоосуществляющихся личностей: «Более эффективное восприятие реальности и более комфортабельные отношения с ней... Принятие себя, других, природы... Спонтанность, простота, естественность... Центрированность на задаче (в отличие от центрированности на себе)... Некоторая отъединенность и потребность в уединении... Автономия, независимость... Постоянная свежесть оценки... Мистичность и опыт высших состояний... Чувства сопричастности, единения с другими... Более глубокие межличностные отношения... Демократическая структура характера... Различение средств и целей, добра и зла... Философское,

невраждебное чувство юмора... Самоактуализирующееся творчество» (Хьелл, Зиглер, 1997, с. 514-519).

В 1987 г. вышла книга Лотмана под многозначительным названием «Сотворение Карамзина». Более точно она была бы названа, рискни автор предложить неологизм «самосотворение». Именно в книге о Карамзине Лотман дал описание талантливому мыслителю, вполне подходящее и ему самому – Юрию Михайловичу. «Карамзин обладал свойствами характера, делающими его прирожденным ученым: склонностью к усидчивому систематическому труду, постоянством интересов, умственной самостоятельностью и необычайным умением быстро накапливать знания» (Лотман Ю., 1987, с. 31). «Русская литература знала писателей более великих, чем Карамзин, знала более мощные таланты и более жгучие страницы. Но по воздействию на читателей своей эпохи Карамзин стоит в первом ряду по влиянию на культуру времени, в котором он действовал, он выдержит сравнение с любыми, самыми блестящими именами» (Лотман Ю., 1987, с. 232). Приведенных высказываний Лотмана достаточно, чтобы реконструировать его идеал личности. Во-первых, это «сотворить себя», максимально раскрыть свои возможности, соотнося результаты не с помехами «среды», а с полнотой самоотдачи, трудолюбием, стойкостью, волей. Во-вторых, добиться вершины профессиональной деятельности – в данном случае на поприще науки. В-третьих, взять на себя ответственность за происходящее в жизни и строить себя в процессе продуктивного осуществления своего дела – научного, педагогического, публицистического, организационно-культурного, имея перед собой масштабную цель. И мой личный опыт персонального и научного знакомства с Юрием Михайловичем подтверждает такой образ замечательного человека, живущего полной жизнью. Переписка Лотмана, обильные воспоминания о нем только соответствуют сказанному выше. Я написал психобиографическую книгу «Университетские филологи» (2009 г.), представив творческий путь своих

учителей, и последний раздел, озаглавленный «Ученый высокого человеческого уровня», был посвящен Юрию Михайловичу Лотману. С текстом я попросил ознакомиться его ближайшего друга и единомышленника Бориса Федоровича Егорова. Вот его ответ: «Я знал всех тех замечательных филологов, о которых сказано в книге, общался с ними, учился у них, делился со многими своими мыслями. И на основе своего опыта могу сказать, что психобиографии М.В. Иванова сохраняют для потомков правдивые и обаятельные образы тех, при мысли о которых вспоминаются слова Жуковского: “Не говори с тоской: их нет, // Но с благодарностью: были”» (Егоров, 2009).

Заключение

Я попытался рассмотреть обращение Юрия Михайловича Лотмана к психологии как источнику построения его семиотической теории с двух сторон: (1) общенаучной, связанной с методологией и структурой академического знания, и (2) персонально моей, так сказать личной, индивидуальной позиции – позиции осмысления и переживания мысли очень значимого для меня ученого, выраженных скорее в именах «собственных», чем «нарицательных». Будучи литературоведом и последователем Лотмана, я пошел по пути психологии, рассчитывая опираться на филологические открытия структурализма. И столкнулся с парадоксом: полноценного союза литературоведения и психологии я в трудах Лотмана и его школы не находил. Психологическим исследованиям отводилось место на периферии, хотя, на мой взгляд, литературоведение ближе всего стоит к психологии как область научного постижения человека. Парадокс этот должен был получить какое-то объяснение, потому что общее мирозерцание Лотмана, его универсализм подхода к науке, культуре, личности; его стремление к типологии; его открытость для нового знания и глубокое уважение к культурным ценностям; наконец, использование структурно-семиотического

подхода к анализу художественных текстов и стилей, создание шедевров литературоведения, – все это располагало к глубокому доверию его поискам.

В трудах Тартуско-Московской школы структурализм сопрягался с лингвистикой, историей, этнографией, фольклористикой, кибернетикой, теорией информации, математикой. По-другому выглядело обращение к психологии, и тому были свои причины. Она долго не входила в ряд признанных и равноправных научных дисциплин. До 1966 года кафедры психологии входили в штат философских факультетов и как бы обслуживали догматы официальной гносеологии, что трудно назвать научной функцией. Достижения западной психологии доходили до наших гуманитариев в гомеопатической дозе до середины 1950-х годов. Тогда же стали только переиздаваться труды 1920-30-х годов Выготского и его последователей. Конечно, Лотман не чуждался психологии. В ней он предпочитал те разделы, которые опираются на естественнонаучное исследование, близкие к физиологии высшей нервной деятельности (психофизиологии и психофизике) и использующие математические модели. Долгое время психология высших форм (сознания, творчества) как бы растворялась в физиологии, семиотике и культурологии, не формируясь в промежуточное и очень важное звено. Психология поглощалась семиологией. В цитированных выше словах Лотман утверждал, что «сущность личности можно трактовать как индивидуальный набор социально значимых кодов», а в одном рассуждении выстроил прямой логический вывод: «семиотический (и, следовательно, психологический)».

Научная мысль Лотмана «шла параллельно» с мировой психологической мыслью, и в рамках гуманитарных наук его методологическая позиция была авторитетной и плодотворной – в том числе и для психологии, ориентируя не на резкий разрыв с прошлым «объективизмом», а на признание объективно существующего мира и открытость семиосферы для контакта с ним при важности автономных ее

возможностей. Идеи переводимости «принципиально непереводимого» как условия роста информативности сообщения и, таким образом, появления сознания, личности, социальной общности, культуры, роста автономии и свободы выбора при усложнении коммуникации между этими инстанциями и внутри них, – все это имеет сильнейшее эвристическое значение для психологических исследований, а некоторые высказывания Лотмана похожи на прозрения в области развития психологии. Выделение бинарных и тернарных типов культуры, стимулирующих догматический и творческий типы мышления, из зоны культурно-типологической концепции может перейти в область психологии творчества, когда психика в ситуации тупикового конфликтного выбора находит третье, лишённое непримиримости взаимно отрицающих вариантов решение и «нейтральная сфера становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня». Для психологии личности и психологии искусства важно обоснование Лотманом идеи множественного выбора, благодаря которому проявляется суверенитет личности и расширение поля свободы и в художественном творчестве, и в постижении культурных ценностей. Для социальной психологии значимо раскрытие механизма перехода произведения искусства из носителя «общепонимаемых», абстрагированных кодов со словарно фиксированными значениями в мир индивидуальных, личностных смыслов – переход из зоны чужеродной внаходимости в зону интимности.

О себе Юрий Михайлович писал «Я никогда не был – ни психологически, ни реально – человеком необычной судьбы. Моя жизнь – средняя жизнь. Говорю это без кавычек и с глубоким убеждением. Речь идет не о научном мышлении, а о простой человеческой голове» (Егоров, 1999, с. 323). Но, конечно, Лотман задумывался о судьбе своего наследия. В письме к своей сестре Лидии Михайловне от 23.07.1984 года

Юрий Михайлович делился таким размышлением: «Наше короткое бессмертие состоит в том, чтобы нас читали и через 25 лет (дольше в филологии – удел лишь единичных гениев)» (Лотман Ю., 2000, с. 684). Прошло уже 30 лет со дня его кончины. А мы продолжаем читать и изучать статьи и книги Лотмана, учиться у него, мысленно беседовать с ним, обращаться к его идеям и в филологии, и в психологии, и в обширном поле наук о человеке. И еще. Лотман говорил, что он избегает того, за что ему было бы стыдно перед Пушкиным. К его признанию я добавил бы то, что не хотел бы, чтобы мне было неудобно и перед Лотманом.

Список использованных источников

- Аллахвердов В.М. Опыт теоретической психологии. СПб., «Печатный двор», 1993.
- Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М., Медицина, 1966.
- Выготский. Л.С. Психология искусства. Издание третье. М., «Искусство», 1986.
- Гаспаров М.Л. Лотман и марксизм // Новое литературное обозрение, 1996. № 19. С. 7-13.
- Гинзбург Л.Я. О литературном герое. Л., «Советский писатель», 1979.
- Егоров Б.Ф. Жизнь и творчество Ю.М. Лотмана. М., «Новое литературное обозрение», 1999.
- Егоров Б.Ф. О книге М.В. Иванова // Иванов М.В. Университетские филологи. СПб., Изд-во «Факультет филологии и искусств СПбГУ», 2009.
- Иванов М.В. Историческая психология личности. СПб., Изд-во ПГУПС, 2006.
- Иванов М.В. Концепция личности в трудах Г.А. Гуковского // Актуальные проблемы изучения и преподавания русской литературы: взгляд из России – взгляд из зарубежья. Материалы международной научно-практической конференции. СПб., «Скрипториум», 2011, С. 85-102.
- Иванов М.В. Образ и логика психологии // Аллахвердов В.М. Собрание сочинений в семи томах. СПб., Изд-во «Владимир Даль», 2021а. Т. 5. С. 364-392.
- Иванов М.В. Судьба русского сентиментализма. СПб., «Эйдос», 1996.
- Иванов М.В. Человек на берегу Леты. Личность и время в культуре и психологии. СПб., АНО «София», 2021b.
- Карицкий И.Н. Конструирование миров // Методология и история психологии, 2018. Вып. 1. С. 5-14.
- Ким Су Кван. Основные аспекты творческой эволюции Ю.М. Лотмана. Иконичность – пространственность – мифологичность – личностность. М., «Новое литературное обозрение», 2003.
- Кон И.С. Открытие «Я». М., «Политиздат», 1978.

- Леонтьев А.Н. Философия психологии: из научного наследия. М., МГУ, 1994.
- Лотман Л.М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Л., «Наука», 1974.
- Лотман М.Ю. За текстом: заметки о философском фоне тартуской семиотики (Статья первая) // Лотмановский сборник 1. М., 1995.
- Лотман Ю.М. Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Л., «Просвещение», 1981.
- Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Л., «Просвещение», 1972.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., «Языки культуры», 1996.
- Лотман Ю.М. Избранные статьи в трех томах. Т. I. Таллинн, «Александра», 1992а.
- Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., «Искусство-СПб», 2002а.
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М., Гнозис; Изд. гр. «Прогресс», 1992б.
- Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Вып. I. Введение в теорию стиха // Труды по знаковым системам, I. Тарту, 1964.
- Лотман Ю.М. О Русской литературе. СПб., «Искусство-СПб.», 1997.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., «Искусство-СПб.», 2000.
- Лотман Ю.М. Сотворение Карамзина. М., «Книга», 1987.
- Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., «Академический проект», 2002б.
- Мак-Уитни Г. Обзор исследований по эстетическим измерениям // Семиотика и искусствометрия. М., «Мир», 1972.
- Новейший философский словарь. Минск, «Книжный Дом», 2003.
- Петренко В.Ф. Конструирование истории // Методология и история психологии, 2018. Вып. 1. С. 15-33.
- Психология личности: Тексты / Под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, А.А. Пузыря. М., Изд-во МГУ, 1982.
- Психология Уильяма Джэмса. Петроград, Типография М.М. Стасюлевича, 1916.
- Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности. СПб., Питер, 1997.
- Эко У. Предисловие к английскому изданию // Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., «Языки культуры», 1996.

References

- Allakhverdov V.M. Opyt teoreticheskoi psikhologii [The experience of theoretical psychology]. St. Petersburg, «Pechatnyi dvor» Publ., 1993. (In Russian)
- Bernshtein N.A. Ocherki po fiziologii dvizhenii i fiziologii aktivnosti [Essays on the physiology of movements and the physiology of activity]. Moscow, Meditsina Publ., 1966. (In Russian)
- Vygotskii L.S. Psikhologija iskusstva [Psychology of art]. Izdanie tret'e. Moscow, «Iskusstvo» Publ., 1986. (In Russian)
- Gasparov M.L. Lotman i marksizm [Lotman and Marxism] // Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. No. 19. Pp. 7-13. (In Russian)
- Ginzburg L.Ia. O literaturnom geroe [About the literary hero]. Leningrad, «Sovetskii pisatel'» Publ., 1979. (In Russian)

- Egorov B.F. Zhizn' i tvorchestvo Iu.M. Lotmana [The life and work of Yu.M. Lotman]. Moscow, «Novoe literaturnoe obozrenie» Publ., 1999. (In Russian)
- Egorov B.F. O knige M.V. Ivanova [About the book by M.V. Ivanov] // Ivanov M.V. Universitetskie filologi [University philologists]. St. Petersburg, «Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU» Publ., 2009. (In Russian)
- Ivanov M.V. Istoricheskaiia psikhologiiia lichnosti [Historical psychology of personality]. St. Petersburg, PGUPS Publ., 2006. (In Russian)
- Ivanov M.V. Kontsepsiia lichnosti v trudakh G.A. Gukovskogo [The concept of personality in the works of G.A. Gukovsky] // Aktual'nye problemy izucheniia i prepodavaniia russkoi literatury: vzgliad iz Rossii – vzgliad iz zarubezh'ia. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. St. Petersburg, «Skriptorium» Publ., 2011, Pp. 85-102. (In Russian)
- Ivanov M.V. Obraz i logika psikhologii [The image and logic of psychology] // Allakhverdov V.M. Sbranie sochinenii v semi tomakh. St. Petersburg, «Vladimir Dal'» Publ., 2021a. Vol. 5. Pp. 364-392. (In Russian)
- Ivanov M.V. Sud'ba russkogo sentimentalizma [The fate of Russian sentimentalism]. St. Petersburg, «Eidos» Publ., 1996. (In Russian)
- Ivanov M.V. Chelovek na beregu Lety. Lichnost' i vremia v kul'ture i psikhologii [A man on the shore of Lethe. Personality and time in culture and psychology]. St. Petersburg, ANO «Sofia» Publ., 2021b. (In Russian)
- Karitskii I.N. Konstruirovaniie mirov [Construction of worlds] // Metodologiiia i istoriia psikhologii, 2018. Is. 1. Pp. 5-14. (In Russian)
- Kim Su Kvan. Osnovnye aspekty tvorcheskoi evoliutsii Iu.M. Lotmana. Ikonichnost' – prostranstvennost' – mifologichnost' – lichnostnost' [The main aspects of the creative evolution of Y.M. Lotman. Iconicity – spatiality – mythologicity – personality]. Moscow, «Novoe literaturnoe obozrenie» Publ., 2003. (In Russian)
- Kon I.S. Otkrytie «Ja» [Discovery of "I"]. Moscow, «Politizdat» Publ., 1978. (In Russian)
- Leont'ev A.N. Filosofiiia psikhologii: iz nauchnogo naslediiia [Philosophy of psychology: from the scientific heritage]. Moscow, MGU Publ., 1994. (In Russian)
- Lotman L.M. Realizm russkoi literatury 60-kh godov XIX veka [Realism of Russian literature of the 60s of the XIX century]. Leningrad, «Nauka» Publ., 1974. (In Russian)
- Lotman M.Iu. Za tekstom: zametki o filosofskom fone tartuskoi semiotiki (Stat'ia pervaiia) [Behind the text: notes on the philosophical background of Tartu semiotics (The first article)] // Lotmanovskii sbornik 1. Moscow, 1995. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Aleksandr Sergeevich Pushkin. Biografiia pisatel'ia [Alexander Sergeevich Pushkin. Biography of the writer]. Leningrad, «Prosveshchenie» Publ., 1981. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Analiz poeticheskogo teksta [Analysis of the poetic text]. Leningrad, «Prosveshchenie» Publ., 1972. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Vnutri mysl'iaschchikh mirov [Inside thinking worlds]. Moscow, «Iazyki kul'tury» Publ., 1996. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Izbrannye stat'i v trekh tomakh [Selected articles in three volumes]. Vol. 1. Tallinn, «Aleksandra» Publ., 1992a. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Istoriia i tipologiiia russkoi kul'tury [History and typology of Russian culture]. St. Petersburg, «Iskusstvo-SPb» Publ., 2002a. (In Russian)

- Lotman Iu.M. Kul'tura i vzryv [Culture and explosion]. Moscow, Gnozis Publ., Publishing Group «Progress», 1992b. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Lektsii po struktural'noi poetike [Lectures on structural poetics] // Is. 1. Vvedenie v teoriu stikha // Trudy po znakovym sistemam, I. Tartu, 1964. (In Russian)
- Lotman Iu.M. O Russkoi literature [About Russian literature]. St. Petersburg, «Iskusstvo-SPb.» Publ., 1997. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Ob iskusstve [About art]. St. Petersburg, «Iskusstvo-SPb.» Publ., 2000.
- Lotman Iu.M. Sotvorenie Karamzina [The Creation of Karamzin]. Moscow, «Kniga» Publ., 1987. (In Russian)
- Lotman Iu.M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva [Articles on the semiotics of culture and art]. St. Petersburg, «Akademicheskii proekt» Publ., 2002b. (In Russian)
- Mak-Uitni G. Obzor issledovaniy po esteticheskim izmereniiam [Review of research on aesthetic dimensions] // Semiotika i iskusstvometriia. Moscow, «Mir» Publ., 1972. (In Russian)
- Noveishii filosofskii slovar' [The latest philosophical dictionary]. Minsk, «Knizhnyi Dom» Publ., 2003. (In Russian)
- Petrenko V.F. Konstruirovaniye istorii [Construction of history] // Metodologiya i istoriya psikhologii, 2018. Is. 1. Pp. 15-33. (In Russian)
- Psikhologiya lichnosti: Teksty [Personality psychology: Texts] / Pod red. Iu.B. Gippenreiter, A.A. Puzyreia. Moscow, MGU Publ., 1982. (In Russian)
- Psikhologiya Uil'iama Dzhemsa [Psychology of William James]. Petrograd, Tipografiya M.M. Stasiulevicha, 1916. (In Russian)
- Kh'ell L., Zigler D. Teorii lichnosti [Theories of personality]. St. Petersburg, Piter Publ., 1997. (In Russian)
- Eko U. Predislovie k angliiskomu izdaniyu [Preface to the English edition] // Lotman Iu.M. Vnutri mysl'ashchikh mirov [Inside the thinking worlds]. Moscow, «Iazyki kul'tury» Publ., 1996. (In Russian)